

Толычева Т.

**Рассказы старушки об осаде
Севастополя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т11

Т11 **Т. Т.**
Рассказы старушки об осаде Севастополя / Толычева Т. – М.: Книга по Требованию, 2024. –
99 с.

ISBN 978-5-519-77277-8

ISBN 978-5-519-77277-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ходилъ по бѣлу свѣту на своемъ кораблѣ, да объ морскихъ чудесахъ, такъ слушаешь его, не слушаешься.

А дѣти все пристають: Расскажи да Расскажи, а тамъ и невѣстка говоритъ:

— И точно, матушка, рассказала бы ты. Всегда мнѣ любо, когда ты объ этомъ времени говоришь. А мой хозяинъ былъ въ ту пору еще махонькій, словно, говоритъ, во снѣ помню. И онъ послушаетъ.

— Ну, ладно, говоритъ Анна, а ужъ вѣстимо, коли рассказывать, такъ не теперь; что тебѣ, что Иванушкѣ—недосужно, а подойдетъ вечерокъ — какъ съумѣю, такъ и расскажу.

Старшій-то внучекъ, Николка, говоритъ:

— Скажемъ мы въ школѣ, бабушка, что ты рассказывать будешь, такъ придутъ охотники тоже послушать, и можетъ кто запишетъ твой рассказъ, какъ записали „Рассказы старушки о 1812-мъ годѣ“.

Разсмѣялась Анна.

— Охъ, ты, говоритъ, шутникъ! Запишетъ, вишь, кто мою болтовню!

Вечеромъ пришли гости. Иванова хозяйка,—звали ее Дарьей,—поставила на столъ орѣховъ да бубликовъ, чтобъ веселѣй было слушать, принесла свою работу — красную рубашку, что шила для мужа, а самъ Иванъ усѣлся на лавкѣ. Взглянула на нихъ Анна, покачала головой и молвила:

— Вишь, и вправду посидѣлки устроили, точно какую мастерицу пришли послушать, а я не знаю, какъ и къ дѣлу-то приступить. Ну, что набредетъ на языкъ, то и сказывать буду, а коли нескладно выйдетъ, такъ не взыщите.

— Былъ у насъ, дѣтки, свой домъ въ Севастополѣ, а построенъ Севастополь у Чернаго моря. Кто къ морю привыкъ, тому ужъ безъ него не житье: такъ къ нему и тянетъ. Долго я скучала, когда мы сюда переѣхали, а объ моемъ покойникѣ и говорить нечего: все-то онъ тосковалъ по своему кораблю. Сладко мы засыпали подъ шумъ морской волны, словно она насъ убаюкивала своей пѣсенкой, и любо-дорого, бывало, смотрѣть на пестрые флаги, когда корабли стоятъ у берега. А отплывутъ они куда въ дальніе края, да разбушуетъ море, зареветъ какъ звѣрь, подымутся волны что горы, а мы, матроски, подумаемъ о мужьяхъ, и страхъ насъ разберетъ. Затеплишь, бывало, лампадку передъ иконами и станешь на молитву; иной разъ, во всю ночь не сомкнешь глазъ. Ужъ за то, какая радость, когда ждутъ нашихъ кораблей, да сбѣжимся мы всѣ на пристань мужей встрѣчать, и ребятишекъ съ собой приведемъ, да вдругъ увидимъ издали знакомые паруса! А теперь вспомнить больно о родимомъ городѣ: раззорили его, и флота нашего не стало.

Одинъ берегъ Чернаго моря принадлежитъ намъ, Русскимъ, а на другомъ берегу стоитъ Турецкое государство. У турецкаго султана нѣсколько милліоновъ православныхъ подданныхъ, и сталъ онъ ихъ притѣснять. Покойный императоръ Николай не хотѣлъ отдавать ихъ ему въ обиду. Царь свое, а султанъ свое. Былъ отправленъ къ нему нашъ посолъ, толковалъ съ нимъ, толковалъ, а пути все-таки не добился.

Помню я, какъ прошелъ слухъ, что будетъ у

насъ война. Радовались мущины. Вѣстимо, имъ бы только потѣшить молодецкое сердце, а намъ, женщинамъ, великое было горе, какъ вздумаешь, что придется своихъ-то подъ вражьи пули провожать. Оставалась я тогда дома одна, съ Иванушкой; мой Ефимъ Петровичъ гулялъ по морю на своемъ кораблѣ, а былъ у нихъ начальникомъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Я его до сихъ поръ на молитвѣ поминаю. Ужъ то-то добрая была душа! Всякаго-то онъ, бывало, найдетъ ласковымъ словомъ. Его даже и малые дѣти знали въ Севастополѣ. Матросы не величали его никогда: „ваше превосходительство“, просто звали: Павелъ Степановичъ, а за глаза: нашъ Нахименко.

— Матушка, заговорилъ Иванъ, вѣдь я его помню. Игралъ я разъ пескомъ у пристани, а онъ прошелъ, погладилъ меня по головѣ, спросилъ, какъ меня зовутъ, и далъ двугривенный на пряники. Вѣдь ужъ онъ, помнится, былъ не молодъ.

— Ужъ весь сѣдой былъ, отозвалась Анна, сутуловатый, тучный, и таково ласково глядѣлъ. Горячій былъ. Вспылить на кого, такъ раскричится, что хоть святыхъ вонъ выноси, да грозень былъ сонъ, а милостивъ Богъ. Разъ осерчалъ онъ на моего Ефима Петровича, пушилъ его, пушилъ, да вдругъ ни съ того ни съ сего: а ты, говоритъ, давно ли во флотъ поступилъ? да женатъ ли? да много ли у тебя дѣтей? и сталъ съ нимъ разговаривать. Матросамъ - то онъ былъ что отецъ родной.

Дали ему знать, что мы начинаемъ войну про-

тивъ Турокъ. Ужъ воевалъ онъ съ ними лѣтъ двадцать пять передъ тѣмъ и не вспомнилъ себя отъ радости, что пришлось стариной тряхнутъ. Онъ собралъ свою команду, поздравилъ ее съ походомъ и отслужилъ молебенъ. Скоро увидали съ нашихъ кораблей непріятельскій флотъ. Стоялъ онъ около своего города Синопа, что лежитъ на морскомъ берегу. Обрадовались матросы, готовились къ бою, и закипѣлъ бой. Перестрѣливались мы и съ Синопомъ, и съ турецкими судами. Мой покойникъ сказывалъ, что летѣли градомъ на насъ снаряды; пѣнились отъ нихъ волны и обогрязались кровью. Помогъ намъ Господь сладить со врагомъ: сожгли мы Синопъ, раззорили непріятельскій флотъ и много взяли турецкихъ флаговъ въ знакъ побѣды. Прогремѣли ребята: ура! а Нахимовъ словно помолодѣлъ отъ радости и на другой же день пустился опять восвояси.

Сбѣжались мы всѣ, отъ мала до велика, къ пристани, своихъ родненькихъ встрѣчать. Только и толку послѣ того было, что о нихъ, и даже на улицахъ останавливались знакомые—незнакомые и рассказывали другъ другу, что нашъ Павелъ Степановичъ разбилъ враговъ, и что царь пожаловалъ ему Егорьевскій крестъ въ награду и приказалъ эту славную битву назвать Синопской битвой.

Счастливо началась война съ Турками, а кончилась горько. Царь послалъ на нихъ свои войска за Дунай. Тамъ удачи намъ не было: главнокомандующій былъ раненъ, толку никакого не вышло, и приказалъ императоръ войскамъ вернуться. За Турокъ стояли Французы и Англичане; сначала

держали ихъ руку въ переговорахъ съ Русскимъ посломъ, а ужъ тамъ стали прямо готовиться къ походу на насъ, и война была объявлена.

Да вотъ въ чемъ бѣда: ничего не было у насъ приспособлено къ войнѣ—не успѣли мы запастись такимъ оружіемъ, какое было у непріятелей, ружья наши были стары, да и мало ли въ чемъ мы нуждались, а на скорую руку всѣмъ не обзаведешься. Опять же желѣзныхъ дорогъ выстроили у насъ тогда не много; отъ Севастополя онѣ были за тысячу слишкомъ верстъ, а по нашимъ столбовымъ не легко проводить полки, да перевозить пушки, а ужъ и подавно въ распутицу. А у непріятелей-то все было подъ рукой: имъ все доставляли моремъ. Ихъ флоты собрались около Турецкаго берега. Кромѣ морской силы, они подвезли на своихъ судахъ сухопутную армію, и стали подходить къ намъ.

Верстахъ въ десяти отъ Севастополя стоитъ маленькій городокъ,—Балаклава. Какъ теперь помню, передъ самымъ Семеновымъ днемъ *) дали оттуда знать, что появились на морѣ двадцать пять непріятельскихъ кораблей. Ну, думаемъ, не Богъ вѣсть какая еще сила! Прошелъ какой-нибудь часочекъ и къ намъ опять вѣсточка, что ихъ пятьдесятъ. Тамъ говорятъ: сто. А ужъ къ вечеру оказалось ихъ видимо-невидимо.

Приуныли у насъ, нечего сказать: вѣдь не даромъ говорится, что сила соломѣ ломить. А послѣ Семенова-то дня узнали мы, что непрошенные гости высадились на нашъ берегъ, только не тамъ, а

*) Симеона Столпника празднуютъ 1-го сентября.

верстахъ въ двадцати пяти къ сѣверу отъ Севастополя. Царь назначилъ главнокомандующимъ надъ арміей и надъ флотомъ князя Меншикова. Значить, онъ былъ надъ всѣмъ начальникъ, и вывелъ онъ въ поле войско, чтобъ встрѣтить непріятеля.

Была у насъ тогда въ городѣ круглая сиротка, дочь матроса; звали ее Дашей. Какъ вышелъ войску приказъ готовиться выступать, пришла она ко мнѣ и говоритъ:

— Должно великое будетъ кроволитіе, и мнѣ, Демидовна, вотъ что Богъ на сердце положилъ: похожу я за нашими ранеными. Продамъ все добро, что мнѣ послѣ матери досталось, куплю лошадь и поѣду за войскомъ. Кому Господь приведетъ, тому и помогу.

А я говорю: „Да нешто тебѣ, Даша, не страшно?

— Чего жъ, говоритъ, бояться? Авось Богъ не оставитъ. Вѣдь я не дурное какое дѣло задумала, а убьютъ меня, помяни мою грѣшную душеньку на молитвѣ.

Какъ я ее ни отговаривала, поставила она на своемъ: на другой же день все свое добро продала за двадцать рублей, да взяла еще въ придачу матросскую куртку, одѣлась въ нее, обрѣзала свою косу, купила лошадь, да еще котомку и наложила въ нее тряпокъ. Когда выступило наше войско, Даша сѣла верхомъ и поѣхала за нимъ.

Помолчала немного Анна Демидовна, а потомъ молвила:

— Довольно на первый-то разокъ, дѣтки. Дождайте орѣхи и расходитесь по домамъ, а если не наскучила я вамъ своей болтовней, то милости просимъ завтра.

Вечеръ II.

Когда всѣ собрались слѣдующимъ вечеромъ на постоянный дворъ, Анна Демидовна сѣла къ своей прялкѣ и присучила оборванную нитку. Веретено стало прыгать и жужжать подъ рукой старушки, и она начала свой разсказъ:

— Говорила я вамъ вчера, что князь Меншиковъ вывелъ наше войско на враговъ. Въ самый день Рождества Божіей Матери *) поздняя обѣдня отошла, и стала ужъ работница обѣдь собирать, а мы сидимъ на крылечкѣ, и сосѣдка къ намъ подошла да тутъ же присѣла. Вдругъ словно громъ загудѣлъ вдали. Смотримъ: облака нѣтъ на небѣ, и солнце свѣтитъ такъ весело, а громъ все гремитъ. Ефимъ Петровичъ прислушался, перекрестился и молвилъ:

— Это пушки гудятъ: битва началась.

Такъ меня и обдало. Чуюло сердце бѣду, и не даромъ. Не въ добрый часъ вступили наши въ бой. Они сошлись съ непріятелемъ на рѣкѣ Альмѣ,—потому и называется эта битва Альминской. Считалось въ нашей арміи тысячъ тридцать, а непріатели двинули на насъ болѣе шестидесяти. Бой кипѣлъ около морскаго берега. Тѣснилъ насъ врагъ лицомъ къ лицу, а сотни пушекъ гремѣли съ его кораблей. Бодро шли наши на смерть. Крикнуть они: ура! бросятся впередъ подъ перекрестнымъ огнемъ и лягутъ ряды за рядами. Цѣлыхъ четыре

*) 8-го сентября.

часа ревѣли пушки и падали наши. А ужъ тутъ пришли полки въ разстройство; совсѣмъ-то они были истомлены, разбиты, и начали отступать.

Нагрузили цѣлыя фуры ранеными, а всѣхъ захватить не успѣли. Больше пятисотъ человѣкъ остались на полѣ битвы. Непріатели позаботились сперва о своихъ. Да былъ въ англійскомъ лагерѣ добрый человѣкъ, настоящій христіанинъ, и вспомнилъ о страдальцахъ. Потребовалъ онъ сухарей да воды, взялъ съ собой солдатъ и сталъ обходить ряды нашихъ. Когда стемнѣло, онъ велѣлъ зажечь фонари и все ходилъ отъ одного къ другому. Которые были въ памяти, хотѣли сказать ему спасибо, да по русски-то онъ не понималъ. Потомъ былъ къ нимъ приставленъ докторъ, и помощника ему дали. Они вдвоемъ ходили за несчастными, а дня черезъ три отнесли ихъ на корабль, отправили въ Одессу и сдали тамошнему губернатору.

А мы въ Севастополѣ все слушаемъ да слушаемъ пушечную пальбу. Послѣ вечерни она стала затихать, потомъ совсѣмъ умолкла, а вѣсточки намъ все-таки нѣтъ. День-то тянулся словно годъ. Вечеромъ мой покойникъ пошелъ провѣдать, не слышать ли чего. Какъ онъ вернулся, я взглянула на него, да такъ и всплеснула руками; лица на немъ не было. „Родимый мой, говорю, что случилось?

— Разбили, говоритъ, насъ,—а у самого голосъ такъ и дрожить.

Я заплакала, и сидимъ мы, молчимъ. Вдругъ онъ молвилъ:

— Полно ревѣть-то, надо дѣло дѣлать. Нашихъ

раненыхъ привезутъ; можетъ помощь понадобится, пойдемъ. Возьми что есть тряпокъ на перевязку, да кружку для воды; раненому вода дороже всего.

Захватила я наскоро, что онъ велѣлъ, и пошла за нимъ. Весь Севастополь былъ на ногахъ; всѣ снѣшили на большую дорогу. Ночь была темная. Лишь только вышли мы за городъ,—видимъ: ужъ тамъ столпился народъ, и горять на землѣ фонари. Стоимъ, ждемъ. Никто словомъ съ сосѣдомъ не перекинется, только слышишь, нѣтъ нѣтъ, да около тебя кто-нибудь всхлипываетъ. Вдругъ загремѣли колеса вдали; подняли фонари, и толпа двинулась впередъ. Фуры остановились. Какъ стали выгружать раненыхъ, да они застонали, и зарыдалъ народъ,—видитъ Богъ, дѣтушки, не такъ горько бываетъ на похоронахъ.

Цѣлую ночь переносили страдальцевъ въ госпитали и въ помѣщенья, что для нихъ приготовили. Всякій помогаль, чѣмъ могъ. Было ужъ свѣтлехонько, когда мы вернулись домой. Пора бы отдохнуть, да ни отдыхъ, ни сонъ не шли на умъ.

Князь Меншиковъ въ Севастополь не вернулся, а съ войсками своими ушелъ къ сторонкѣ, чтобы лучше въ порядокъ ихъ привести, да подкрѣплений пообождать. Непріятель намъ грозилъ и съ моря, и съ суши. Чували мы, что не устоятъ намъ противъ его напора. Армія его была вдвое сильнѣе нашей, а несмѣтные его корабли подходили къ намъ, что лѣсъ дремучій. Надо было себя огородить хоть съ одной стороны.

Море входитъ въ Севастополь полосой; въ ней верстъ шесть длины, а ширины верста. Эти мор-

скія полосы, что входятъ въ земли, называются бухтами. Севастопольская бухта разрѣзаетъ городъ на двѣ половины, стало вражьи корабли не иначе, какъ этой бухтой могутъ добратъся до Севастополя, а противъ нихъ мы устоять не могли. Оставалось одно: запереть бухту.

— Да ужъ я и въ домѣкъ не возьму, бабушка, сказалъ Миша, второй внучекъ старушки, какъ же это бухту запереть?

— Гдѣ тебѣ въ домѣкъ взять, дитятко? Да начальники были похитрѣй насъ съ тобой, и придумали. Рѣшились они на горькое дѣло, да надо было, во что бъ ни стало, преградить врагамъ путь къ Севастополю. Павелъ Степановичъ былъ вице-адмиралъ и командовалъ половиною флота, а былъ еще вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, только службою помоложе. И въ немъ моряки души не знали. Вы его имя запомните, дѣтушки: горячо любилъ онъ матушку-Россію и сложилъ за Севастополь свою головушку. Князь все еще стоялъ тогда съ арміей не далеко отъ города, выписалъ онъ къ себѣ Владиміра Алексѣевича и приказалъ ему перевести матросовъ на укрѣпленія, чтобъ они тамъ служили, да поставить нашъ флотъ въ бухту, а чтобъ непріатели не могли въ нее войти, затопить у ея входа нѣсколько изъ нашихъ старыхъ судовъ.

— Да почему же непріатели не могли бы подойти съ своими кораблями, если затопить суда, бабушка? спросилъ Николка.

— А когда ты въ лодкѣ плывешь по Москвѣ-рѣкѣ, такъ небось лодочникъ минуетъ камни: они